

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн
Остров Иф
Серия «Лазурные берега», книга 18

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2476975

Аннотация

«Середина июля. Город Марсель празднует годовщину разрушения Бастилии. Почти сто лет тому назад пришли в Париж оборванные загорелые южане и заразили весь Париж, а вместе с ним и всю Францию революционными идеями. По дороге сочинили прекрасную песню, которая начинается так: «Allons, enfants de la patrie...», а кончается: «A bas la tyranie», – словом, ту известную песню, которая исполняется на французских военных судах во время встречи дружественных эскадр...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Остров Иф

Середина июля. Город Марсель празднует годовщину разрушения Бастилии. Почти сто лет тому назад пришли в Париж оборванные загорелые южане и заразили весь Париж, а вместе с ним и всю Францию революционными идеями. По дороге сочинили прекрасную песню, которая начинается так: «Allons, enfants de la patrie...»¹, а кончается: «A bas la tyrannie»², – словом, ту известную песню, которая исполняется на французских военных судах во время встречи дружественных эскадр.

Надо сказать, что этот праздник – настоящий праздник. С раннего утра вся Марсель на улицах. Со всех сторон четырехугольного старого порта толпится по-праздничному вымытый, принарядившийся народ. В десять часов утра уже пускают фейерверк. Мальчишки и женщины визжат от радости, старые матросы режут от восторга, когда взвивается вверх ракета, разрывается в воздухе и вдруг из нее выскакивает, точно пузырь, фигура свиньи, верблюда или слона и медленно опускается вниз.

¹ Вперед, сыны отчизны... (фр.)

² Долой тиранию (фр.).

Около улицы Каннобьер, пройдя через мост, есть маленький закоулочек, где кутят рыбаки. Белое вино и целые груды, целые горы скорлупы от раков, устриц, муль, violettes и clovisses³. Все это поглощается в огромном количестве и стоит на наши деньги три-четыре копейки. С чувством отращения наблюдаю я, как после долгой, ожесточенной торговли раскутившийся матрос покупает своей любовнице кусок спрута, или каракатицы, или какую-то странную черную раковину, из которой течет желтый сок, подобный яичному желтку, и как она большим пальцем правой руки выковыривает содержимое и как она его втягивает в рот.

Но мне тяжело и скучно. Чужой праздник! И я чувствую себя неприглашенным гостем на чужом пиру. Увы! Судьба моей прекрасной родины находится в руках рыцарей из-под темной звезды, и у нас нет ни одного случая вспомнить наше прошлое. Ни числа, ни месяца, ни года...

Лодки сгрудились около набережной так тесно, что движение одной передается другой. Какой-то хитрый старик подмигивает мне глазом и спрашивает:

– Может быть, господам угодно проехаться на остров Иф?

Отчего же не проехаться: это все-таки развлечение. Очень быстро мы узнаем, что лодочника зовут папа Доминик. Покамест мы в порту, он все время гребет. Но мы выходим в свободное море, и он начинает налаживать парус. Время от времени он вынимает из кармана плитку прессованного же-

³ Разные съедобные ракушки (фр.).

вательного табаку, похожую на шоколадные плитки, жует ее и выплевывает через борт коричневую слюну. И вдруг обращается к нам с очень деловым вопросом:

– Из какой страны вы, добрые господа? Со вздохом мы признаемся, что мы русские. На лице нашего друга, папы Доминика, разочарование. Он еще раз плюет через борт лодки и говорит:

– В таком случае без глупостей (*pas des betises*).

Ого! Хорошая у нас репутация!

Но уже парус готов. Лодка бежит, накренившись набок, и время от времени на нас брызжет морская пена. Стали вырисовываться скучные стены тюрьмы, горбатый островок и на нем две башни, торчащие, точно два клыка, изъеденные временем. Между ними каземат и огромные ворота. Цвет здания – желтый, казарменный.

Но подойти нам к берегу не удастся. Артель рыбаков только что завезла невод, длиною приблизительно около версты. Две лодки тянут левое крыло, а правое крыло на своих плечах тащат вверх по горе двенадцать человек. Самая трудная работа достается переднему, и поэтому, пройдя шагов пятьдесят, он бросает тяж и перебегает в хвост. Таким образом, они постоянно сменяют друг друга. Наконец работа окончена. Две небольших корзинки маленькой серебряной рыбешки. Но зато сколько шума, пререканий, угрожающих жестов! Можно было бы подумать, что дело идет о пяти, шести взрослых китах.

Мы поднимаемся наверх, на гору. Оказывается, что смотрителя тюрьмы нельзя сейчас видеть – и по очень важной причине: рыбаки наловили много рыбы, а смотритель купил несколько фунтов, велел своей жене сделать бульябес и поэтому просит извинения.

А бульябес – это самое зверское кушанье, которое только существует на свете. Оно состоит из рыбы, лангуст, красного перца, уксуса, помидоров, прованского масла и всякой дряни, от которой себя чувствуешь, точно тебе вставили в рот динамитный патрон и подожгли его.

Ничего не поделаешь, – надо мириться со вкусами каждого начальника тюрьмы, музея или Эрмитажа. Но тут же, рядом с тюрьмой, есть маленький кабачок с надписью: «Граф Монте-Кристо». Мы внедряемся туда, заказываем яичницу и пьем красное вино. Через час появляется смотритель, на ходу утирая рот салфеткой. Он чересчур вежлив, как, впрочем, и всякий француз. Он с нас берет по франку за вход в историческую тюрьму (удивительно, не для того ли Марсель сделала французскую революцию, чтобы республиканское правительство получало деньги за право обозрения тюрем?); потом, закрыв глаза, точно соловей во время любовной песни, он начинает нам отчитывать наизусть:

– Вот место, где сидел двоюродный брат польского короля Владислава или, может быть, Станислава. В этой камере сидел известный адвокат Мирабо, потомок которого, Октав Мирбо, до сих пор существует в Доме инвалидов... Вот здесь

заседал революционный марсельский трибунал. Здесь же по распоряжению суда гильотинировали виновных. Двести восемнадцать смертных казней.

Обратите внимание, господа, что камни иззубрены стойками гильотины.

И правда, он нам показывает нечто вроде каменных поластей, на которых заседал трибунал, приговаривал к смерти за одну секунду, и только одну секунду длилось мучение жертвы. Я не знаю, здоровое ли это впечатление или галлюцинация, но мне казалось, что во всей этой тюрьме, в этом правительственном музее, пахнет кровью и человеческими извержениями, как будто бы стены пропитались их запахом.

Наша доверчивость развращает зрителя. С необыкновенно наглым видом он нам показывает еще один закоулок, с полом вроде московской мостовой, без света, и говорит:

– А вот здесь сидел граф Монте-Кристо.

Это нас поражает. Мой друг К. первый не выдерживает серьезности. Он спрашивает:

– Если я не ошибаюсь, граф Монте-Кристо – это не живой человек, а выдумка Александра Дмитриевича Дюма? Дюма père? Это лицо никогда в действительности не существовало.

Зритель сконфужен, но все-таки милый француз находчив: он открывает окно и показывает нам на вывеску ресторана. Правда. Написано «Граф Монте-Кристо». Мы соглашаемся. Что поделаешь против очевидности! И папа Доминик благополучно отвозит нас в Марсель.